

АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ

Георг Стражнов

Под крылом ангела своего

Господи, Боже мой! Сколько же статей я уже написал за минувшие двадцать лет о своем большом друге, художнике Семене Шегельмане! С десяток, не меньше. И в газетах и в глянце. А вот подкатило и его, Семена, 80-летие, и опять вспоминается все пережитое. Славный юбилей! Как говорится, жизнь прошла, да здравствует жизнь! Нашу дружбу можно было бы выразить словами песни Раймона Паулса: «Tu bez manis, Es bez tevis, Mūžu podzīvojām» (Ты без меня, я без тебя, так и прожили жизнь). Два года с лишком теснейшей дружбы и 38 лет разлуки с тремя короткими встречами-свиданиями. И теперь я пишу эти строки в предвкушении его очередного приезда в Ригу.

В эпицентре эпохи

Расцвет творчества Семена Шегельмана пришлось на золотую пору шестидесятых — эпоху так называемой «хрущевской оттепели» в СССР. Он принадлежит ко второму поколению «шестидесятников», и это многое объясняет. Родился Семен в 1933-м году в Бобруйске. Семену едва исполнилось восемь, как началась война. Он и его семья пережили все ее ужасы. Погиб отец, ушедший



*Встреча, о которой мечтали столько лет —
Ансис Эннерс и Семен Шегельман.
Торонто, 1989 год.*

добровольцем. Они с сестрой и мамой под бомбежками бежали вглубь России и всю войну провели в эвакуации в Мордовской деревне. После войны Семен с мамой приехали в Ригу к сестре, где та, выйдя замуж за военного, работала медсестрой. Тяжелое было послевоенное время, но Семену повезло: его сразу после школы приняли в Академию художеств. А уже через год после окончания Академии он стал членом Союза художников Латвии. То время, надо сказать, было потрясающее. И не только в Советском Союзе, где после смерти Сталина Хрущев приподнял

«железный занавес» и в страну хлынул ветер перемен, принесся все то, что десятилетиями было скрыто от народа. Самое потрясающее было то, что все гиганты мировой культуры в Европе и Америке, которые создавали новые смыслы XX века, были еще живы и в расцвете творческих сил: в литературе это были Хэмингуэй и Фолкнер, Бёль, Сартр, Камю, Жан Кокто и Томас Манн, Набоков и Моравиа. В живописи — Марк Шагал и Пабло Пикассо, Жорж Брак и Анри Матисс, Миро, Дали, Леже, Вламинк, Вазарели, Лемпицкая, Магрит, Уорхолл и Поллок. Все они активно работали и выставлялись. А еще были знаменитые архитекторы и дизайнеры. Возникали новые, совершенно невиданные до этого города, появлялись новые вещи и материалы. Вдохнувшая после войны полной грудью Европа дала миру целую плеяду гигантов во всех областях искусства. Была фантастическая музыка самых разных жанров — джаз, рок, зарождавшийся поп, целая плеяда великих композиторов и дирижеров. Были потрясающие кино и фотография. Стремительно развивалась полиграфия, появлялось все больше новых журналов, книг, альбомов. Все, чего мир не знал прежде.

Именно на эти «золотые шестидесятые» пришлось формирование Семена как художника. Опыт тяжелого детства и юности плюс высокая школа Латвийской Академии дали тот сплав, который выразился в картинах, но еще в большей мере — в графических работах Шегельмана. В общем, к 1972 году, когда мы с Семеном познакомились, он был уже признанным, успешным и даже популярным художником. Говорят, что многие московские дамы заказывали ему свои портреты. И, якобы, сама всемогущая министр культуры СССР Екатерина Фурцева называла Семена «Мой Модильяни». Но все это было еще до нашего знакомства.

Он был настоящий трудяга. Ежедневно с раннего утра приходил в свою мастерскую в Доме художника на набережной 11 ноября и работал там до позднего вечера. В его просторной мастерской с прекрасным видом на Даугаву бывали самые разные люди. Ну, прежде всего, его коллеги — скульптор Каруш Акопян и дизайнер Дмитрий Кудрин, его друзья — кинорежиссеры Ансис Эпнерс (главный друг), Герц Франк, хирург Борис Альтшуллер. Приходили художники, чьи мастерские были рядом, на одном этаже, —

тишайший Иосиф Элгурт, Гайсма Гига, Банюта Анцане, Владислав Гришин, Юрис Звирбулис, заглядывал деликатный Курт Фридрихсон, а также художники «ближнего круга», Артур Никитин, Нафтолий Гутман, Александр Дембо. Две весьма эффектные дамы-искусствоведы — Светлана Хаенко и Люся Уласевич. Все эти необычные, яркие личности появлялись в мастерской в разных составах. Много говорили об искусстве, выставках, спорили, обсуждали увиденное, прочитанное. Семен угощал гостей ароматным кофе и коктейлями. Я подарил ему книгу рецептов коктейлей — «специздание», выпущенное исключительно для барменов судов заграничного плавания. Он быстро освоил самые популярные из них. Единственная проблема, у нас была напряженка с ингредиентами — такие напитки как мартини, херес, джин и виски приходилось доставать по блату. Но Семен их доставал и держал в своих красных шкафчиках. А великолепный кофе он варил в маленькой серебряной джазве и подавал в маленьких, еще кузнецовских кофейных чашечках.

В 1968 году с введением советских войск в Прагу «оттепель» закончилась. Партия начала вновь закручивать идеологические гайки. Конечно, какая-то инерция еще существовала где-то до года 1974-го, но уже часто выставочные комиссии начали отвергать работы Шегельмана из-за их «мрачности» или, как тогда говорили, «формализма». Поэтому в тот период Семен переключился на работу с интерьерами в латвийском комбинате прикладного искусства «Māksla». Художественный уровень этого комбината, стиль и качество работы его художников был весьма востребован в Союзе. Заказы сыпались со всех республик и даже из Москвы. Я только приехал в Ригу, и меня друзья устроили в этот комбинат в отдел интерьера на должность, говоря современным языком, менеджера. Семен был одним из двадцати художников, чьи дела я вел. Наш отдел располагался на втором этаже Дома художников, а его мастерская — на четвертом. Так что я бывал у него едва ли не ежедневно и порой засиживался допоздна за чашкой кофе с коньяком. Нас сближало многое, но главное — это любовь к Modern Art. Эту любовь мне привила школьная библиотекарша. Именно она ввела меня в чудесный мир модерна. Так что еще со школы я начал выписывать польские и чешские журналы по современному искусству

— «Пшегленд артыстичны», «Витварне умени», «Умени а жемесла». Даже сам в какой-то момент я собирался поступать в художественное училище. Передумал. Но с той поры искусство, и особенно современное, стало моей страстью. Так что я был более чем информирован о том, что происходит в этом мире, знал все главные имена. Кроме того, мне посчастливилось в 1970 году два месяца жить в Праге у родственников. В то время это было исключительной редкостью. Там я ходил по галереям, видел очень многое: новейшую графику Пикассо, рисунки Брака, живопись Франтишека Купки и чешских модернистов. Мы могли в этом плане говорить с Семеном на равных, и еще мы оба были страшные «франты». Семен всегда любил модно одеваться. Так что мы не были обделены вниманием женщин. Тот период я вспоминаю, как праздник жизни — мы были молоды, красивы и успешны. И главное мы наслаждались общением друг с другом. Кроме того, нам повезло — мы с Семеном довольно много ездили по стране: в Москву, Кисловодск, Калинин (ныне Тверь) — всюду, где были «объекты» Шегельмана. Дальние поездки особенно сближают. Роскошь общения — единственный вид роскоши, бывший доступным людям в СССР. И мы насладились ей на всю оставшуюся жизнь. В памяти сохранилось множество разных эпизодов из этих наших командировок — хватило бы на целую книгу.

Отъезд

Первый звоночек прозвенел, когда собрался уезжать приятель Семена, красавец Борис Альтшуллер. Как сейчас помню тот вечер, когда он возбужденно ходил по мастерской, убеждая Семена в бесперспективности пребывания в Союзе, в необходимости отъезда. В СССР его творчество не найдет понимания, и выставляться ему не дадут, убеждал Борис. Семен, всегда избегавший всякого рода споров и конфликтов, вяло сопротивлялся аргументам Бориса. Когда Борис, наконец, ушел, я был в панике. Ведь в те времена дружба была единственной ценностью, которой мы обладали. Я очень дорожил своими прекрасными друзьями, и уже не представлял своей жизни без Семена. Поэтому я с замиранием сердца спросил его, не собирается ли он уехать. В ответ получил твердое НЕТ. Я на

всю жизнь запомнил этот вечер. Было как-то особенно темно, кажется, была зима. Горели свечи, мы слушали новый диск польской певицы Эвы Демарчик, ее печальный «Томашув», пили кофе и молчали.

А потом Шегельман начал готовиться к своей персональной выставке графики, которая должна была открыться в июне. Он решил показать работы, созданные им в период с 68-го по 75-й. Семен придумал интересную концепцию выставки: графические листы, зажатые между листами стекла без рамок, затем тонкими, но прочными лесками прикреплялись к потолку и как бы парили в пространстве меж зрителей. Острые края стекол усиливали драматизм произведений. А сюжеты эстампов были далеко не простыми. Вот названия лишь некоторых из них: «Толпа», «Страсти» (Ехodus), «Блудный сын», «Входящий» (Мессия), «Лабиринт», «Тревожный сон», 16 литографий из трагического цикла «Памяти матери». Таков был итог его семилетней работы. И успех был оглушительным. Ансис Эпнерс помогал с развеской работ, а потом и заснял всю экспозицию на киноплёнку. К сожалению, я не был на открытии, нам с женой наконец-то дали отпуск и мы поехали в Россию показывать родственникам своего новорожденного сына. А когда вернулись, выставка была уже закрыта. Она продержалась чуть больше недели. Группа каких-то не то псковских, не то пензенских учителей написала гневный отзыв в гостевой книге примерно следующего содержания: «В то время, когда весь советский народ радостно празднует тридцатилетний юбилей Победы в Великой Отечественной войне, художник Шегельман показывает мрачные картины непонятного содержания». Это был, естественно, политический донос. Директор Худфонда, которому принадлежал зал, испугался (тут пахло выговором по партийной линии!), и выставку спешно закрыли. Причем, закрыли как-то по-хамски, даже не поставив в известность автора. Просто срезали все лески и свалили стекло и работы в кучу. Семен был возмущен. И сказал: вам надо было еще их взять, облить бензином и сжечь во дворе. На следующий день он подал документы на отъезд.

Время его ожидания разрешения на выезд совпало с моим уходом из комбината. Я решил все-таки найти работу по профессии. Это был тяжелый период. Без-

работица в советское время было почти преступлением. При желании могли и срок дать за тунеядство. Ведь считалось, что в СССР нет безработицы. Стояло лето, мы с женой проводили много времени вместе, Юла пыталась через знакомых найти мне какое-нибудь место на ТВ или в газете. Но вотще. И вот долгожданное разрешение на отъезд Семена пришло. На все сборы давалось очень мало времени — каких-то два месяца. А ведь для того, чтобы выехать с работами, Семену предстояло их все сфотографировать (на фотопленку) и затем отпечатать фотографии, оценить, оплатить через банк, и еще съездить в Москву, в Голландское посольство за визой. Вот тут и пригодилась моя «свобода». Пока Семен с Юлой ездили в Москву, я три вечера в его мастерской вместе с комиссией описывал и отбирал его работы. Живопись он с собой не брал, она на тот момент для него была пройденным этапом. Он делал ставку на графику. Причем, брались по десять оттисков каждой гравюры — пять посылалось багажом, а пять он брал с собой на случай, если контейнер (он шел через Румынию) пропадет. Ничего другого, что обычно везли с собой эмигранты (мебель, сервизы, книги), Шегельманы не брали. Семен надеялся только на свой талант.

Итак, три вечера подряд в мастерскую приходила Инара Нефедова, тогдашний директор Объединенной дирекции музеев и выставок, и ее помощница, тогда еще студентка Мара Лаце. Именно она заполняла протоколы оценки. Я показывал работу, Инара оценивала, Мара ставила на задней стороне оттиска штамп с разрешением на вывоз и заносила все в протокол. Надо отметить, что Семен очень тепло простился с Председателем Союза художников Латвии Джеммой Скулме. Джемма высоко ценила его как художника и сказала, что позволяет ему вывезти все, что он пожелает. Но Семен ответил, что вывезет лишь графику последних лет, а ТАМ он собирался начать совершенно новую жизнь. Так все и получилось.

Провожать Шегельманов до Бреста поехало нас трое, — мама Юлы, Валентина Сергеевна, сестра Семена, Роза и я. Странное это ощущение — провожать близких тебе людей НАВСЕГДА, зная, что никогда больше их не увидишь. Странное и страшное. Впрочем, жизнь расставила все по своим местам. Исторические события развивались вопреки пла-

нам Кремлевских старцев. И века не прошло, а всего каких-то 18 лет, как Семен и Юла вновь оказались в Риге. И не просто приехали, а Семен привез большую коллекцию своей живописи. Полотен больших, ярких, наполненных новой энергией и новой жизнью. Выставка открылась в Юрмальском музее. Но тогда, в октябре 1975-го, мы об этом знать не могли. Я хорошо помню, как мы в последнее утро перед Брестом завтракали вдвоем с Семеном в вагоне-ресторане (дамы остались в купе). Он явно нервничал, но старался успокоить меня, говорил, что все может измениться и я еще приеду к ним туда, где они поселятся. Конкретных планов у них, естественно, не было. Будущее выглядело совершенно туманным. Время безжалостно истекало. Трудно передать то, что мы ощущали в те минуты. Но я должен был быть собранным, поскольку я знал точное количество папок с работами, количество чемоданов и следил, чтобы ничто не осталось забытым, а Семен держал в руках все необходимые документы — паспорта, фотографии, разрешения на вывоз. Он, я это видел, был как во сне. Юла шутила: вот теперь, как вернешься в Ригу, сможешь работать «евреем-консультантом», поскольку ты досконально знаешь, что и как нужно делать и оформлять «отъезжантам».

В Бресте таможенники запарились сравнивать черно-белые фотографии с цветными литографиями, к тому же работы у Семена крупного формата. Но все прошло нормально, хотя «для порядку» — зря что ли хлеб едят! — таможенники заставили Семена вернуть золотые запонки. Ну, очень бдительные! Предотвратили страшный урон стране. Бедные люди, как же они ненавидели всех тех «счастливчиков», кто смог вырваться из мертвенных объятий страны «победившего социализма». Вообще в таможене все происходило, как в каком-то другом, нереальном измерении: с одной стороны — люди, стоящие на пороге вечной разлуки и разделенные на ДО и ПОСЛЕ, с другой — неспешащие таможенники. Все вещи Шегельманов пересмотрели в последний момент, чемоданы и папки носильщики просто закидывали в тамбур, отходящего поезда. Провожающие наблюдали всю эту картину из-за решетки. Последнее, что я буду всегда помнить, — это лицо Юлы и ее крик с подножки вагона: «Мама, все!...»

А потом пошли долгие дни ожидания

писем и новостей ОТТУДА. Первыми пришли открытки из Вены, из знаменитого пансиона «Беттина», куда съезжались все советские эмигранты перед тем, как отправиться либо в Израиль, либо в Рим, где они в течение двух месяцев учили английский, а затем уже распределялись по другим странам абсорции. Шегельманы выбрали Рим. И не прогадали. Они вспоминают этот период как «римские каникулы» — и жизнь в самом центре Вечного города в квартире профессора, историка искусств, и доброжелательный прием министра культуры Италии, и посещение всех знаменитых музеев, о которых лишь читали, и там же — первые на Западе персональные выставки и первая благожелательная пресса. Это был шокирующий контраст с тем, что они оставили. Как говорится, день и ночь.

Tu bez manis, es bez tevis

Эмиграционные службы в Риме посоветовали Шегельманам ехать в Канаду. Страна еще не была настолько избалована эмигрантами, как США, и поэтому стартовать из Канадского Виннипега, по их мнению, было лучше, чем, допустим, из Нью-Йорка или Лондона. Виннипег их встретил очень тепло, масса людей предложила свою помощь в обустройстве места жительства и в поисках работы. После Виннипега был Торонто, а позже — так напоминающий Европу Монреаль... Еще в Риме они заговорили по-английски, в Монреале прекрасно овладели французским. Свободное владение языками (в Латвии Семен хорошо говорил по-латышски) позволяет им везде чувствовать себя свободно.

Лучшим свидетельством их жизни по обе стороны Атлантики могут служить письма Юлы, которые я регулярно получал. В этих письмах бьется нерв и ощущение атмосферы той необычной жизни, которую они приобрели за океаном.

Канн, авеню Маршала Фоша, Студия «Parisienne», апрель 1999

«Жорка, любимый! Канн — здесь все, как во сне — какая-то несказанная мечта, просыпаясь, не веришь, что все это наяву. Все сложилось так странно, судьба вновь по-своему распорядилась нами, сказав: «Я вам даю еще что-то такое, совершенно необыкновенное, но потом... потом вы всё-таки расплатитесь». И мы наслаждаемся.

Ездим сами и с многочисленными новыми (потрясными) людьми, постоянно живущими здесь. Да и где же им жить-то, европейцам из Англии, Шотландии, Швеции, Дании, Голландии и проч., как ни здесь?! Здесь все — и чистота, и покой, и законность, а все эти бомбончики, помпончики, бутончики, флакончики — все самое-самое-самое... Вот и Германия (без всякого объявления войны) скупила здесь и квартиры, и виллы, и бизнесы, ... Короче, здесь великолепно...

Жорка, мы сейчас на распутье. Определенно — мы нигде. Торонто мы бросили, оставив все друзьям и знакомым. Отдали все-все-все, всю утварь, что жила с нами в последние годы — мебель, посуду, одежду, растения — все разошлось. В Европу уехали с одним чемоданом. Теперь оставляем что-то здесь, в Каннах... Скоро уматываем в Париж, здесь становится многолюдно и неинтересно. Но мы опять сюда вернемся следующей зимой. Тут будут выставки у Семы...

Единственное, что я поняла за это время и что могу сказать тебе по секрету, как самому любимому человеку (ты ведь веришь, что очень дорогой и драгоценный), Семка — единственный, кто хоть что-то представляет в искусстве. Я, ты знаешь, — самый большой его критик. Но вокруг ничего нет даже похожего — все какая-то самодеятельность по сравнению. Обидно, что у нас нет картин. Нам здесь дают «зеленый свет», предложения сумасшедшие. Где взять картины — вот в чем вопрос. Все раскуплено до последнего рисунка. По-видимому, мы будем жить полгода в Париже, полгода — в Монреале. Так мы решили. У Семы много дел в Нью-Йорке и Лос-Анжелесе. Мы сейчас как бы в «стадии зачатия». У нас нет ничего — ни дома, ни кроватей, ни посуды — ничего-ничего. Как это интересно! Ты когда-нибудь встречал таких людей? Думаю, что нет.

Твои всегда-всегда (до конца) Юла, Сема.

Монреаль, декабрь 1999

Вот уже который раз берусь за перо. Компьютер «заткнулся», а перо выручает всегда. На улице стало прохладнее. Ночью даже ниже нуля, но снега нет, а дни ясные-ясные, без осадков. Все — и природа, и Монреаль — готовы к Рождеству. Кругом огни, елки, гирлянды, звезды, шары, музыка, суета. Я люблю это время года, а сейчас оно особое. Да и живем мы в самом центре тусовок. Выходишь на улицу — бесконечные кафе, бистро, рестораны, ресторанчики, бутики, клу-

бы и проч. Все так, как нам и хотелось. Людской поток с утра до ночи. Семка работает, но мы с нетерпением ждем Нового года, надеемся, что соединимся с людьми — самыми близкими (нашими), погуляем, подурачимся.

Теперь расскажу, что было, по порядку. Сначала мы поехали в Нью-Йорк (ночью). Прилетели в 7 утра. Нью-Йорк чистый и спокойный. Все-таки хвала мэру, Руди Джулиани, — город изменился до неузнаваемости.

Вечером были на приеме — открытие Семиного «объекта», в котором он делал все: и дизайн интерьера, и живопись. Описать почти невозможно. Это миллионные апартаменты — «кондо» на 5-й авеню с видом на Сентрал парк. Мрамор, ковры, мебель какого-то там века, а в золоченых, тоже антикварных рамах — только Семины картины, все специально подсвечены. Просто мистика! Даже у меня, ко всему привыкшей, захватило дух. Американцы были в шоке... Все было действительно интригующе, мистично, элегантно — настоящее зрелище! Спектакль! Семкины картины созданы для такой роскоши. В них проявляется его интеллект и утонченность. А какая продуманность тонов, нюансировка колорита! Я просто сошла с ума от этого великолепия...

Дальше мы гуляли с утра до вечера по родному и близкому Нью-Йорку, а затем вылетели в Лос-Анжелес к Семкиному дилеру. Хорошо провели время. Я там позагорала неделю у бассейна. Стояла жара, но там климат потрясающий.

Из Лос-Анжелеса проехали в Атлантиксити, в ихние «казины». Чепуха полная! Оттуда поехали к друзьям в Коннектикут — вот это действительно изумительно! Эта часть Америки — Вермонт, Нью-Джерси и проч. Потрясающие леса! Такие чистые! Такая красота!

Потом вернулись в Нью-Йорк, утром были в Монреале, а вечером вылетели в Париж... Париж! Он был, как всегда, несравнимый и не желающий быть сравняемым ни с чем. Весь в листьях, в запахах кофе, духов, легкий, праздничный, беспечный, волшебный, кружевной, обвораживающий и одурманивающий — он должен быть для таких людей, как мы, готовых в нём жить и умереть, даже не оглядываясь и не загадывая ни о чем наперед.

Опять мы гуляли по нему, потом открыли двери квартиры, которую сняли, упали в кровать на двое суток совершенно без ног.

Просыпались, ели, пили шампанское и засыпали снова. Потом прилетел Волтер, наш агент, дилер, друг. Рано утром он подхватил нас в свое авто и мы поехали, поехали, поехали... Города, городки, живописные замки, горы... кончилась Франция — началась Швейцария. Опять проехали несколько знаменитых мест. Наконец остановились в Женеве. Волтер захотел познакомить нас со своим старым другом-коллекционером, одним из известнейших в Европе. Поехали в его огромную виллу в Лугано, окруженную изысканным решетчатым забором какого-то там века, парк с фонтанами, скульптурами. Хозяин, милый невысокий господин, свободно говорящий на двенадцати языках, нас принял очень гостеприимно. Показал нам свой домашний музей (как Эрмитаж). Откуда только не стекались сюда эти полотна — за каждым целая история. Повел нас в залы современного искусства, где мы были приятно удивлены, увидев Семины графику и живопись.

Из Лугано возвращались очень весело. Решили завернуть в Бордо, там опять нас ждали (друзья Волтера) на предмет дегустации вин. Мы пили эти вина ровно три дня, пока их вкус не слился в нечто единое. Опять же много гуляли и вечерами ужинали под музыку. Устали! Вернулись в Париж с благими намерениями: Сема — начать работать, а я — заняться своими делами. Но не тут-то было. Опять новый план — поехать на Атлантику в Нормандию отдохнуть. И мы поехали! Там все было мое — погода, пляжи, отсутствие толпы (не сезон). Словом, сказка! Как будто побывала на Взморье. Сема там написал много акварелей и рисунков. После Парижа вернулись в Монреаль. Сейчас ведем себя хорошо: много работаем (Сема), не пьем, гуляем... Ты мне пиши, я обожаю тебя читать, лучше всякой литературы. Привет всем, кто нас помнит. Целуем, обнимаем.

За этим письмом пришла открытка.

Сан-Диего, Калифорния, 2000.

Жорик, дорогой! Я так и не дождалась от тебя письма. А потому и не писала долго. Мы в Сан-Диего. У Семы здесь открылась персональная выставка. Следующая — в Парамаунт-студии. Красота здесь необычайная — горы, цветы, гольф, пальмы... Позвоню тебе из Канады, надеюсь, у вас все в порядке. Скучаем и любим. Привет всем, Ансису отдельно. Ваши Юла и Сема.

О дружбе, переходящей в вечность

А потом потянулись долгие серые, глупые, убогие, голодные годы «застоя», когда ничего не происходило, все было дотировано — хорошее кино, интересная литература, — все получали в каких-то гомеопатических дозах. В Прибалтийских республиках изобразительное искусство было чуть более свободным. Но это была настолько узкая отдушина, что лишь подчеркивала интеллектуальный вакуум вокруг. И если вы были не достаточно циничны, чтобы делать партийную карьеру, то вы искали истину в вине, в религии, в восточных практиках. Я, как и многие, спасался своими дружбами, человеческими связями. В «наследство» от Семена я получил нового друга, замечательного кинорежиссера Ансиса Эпнерса. Сразу после возвращения из Бреста я пришел к Ансису, чтобы рассказать, как все было. Мы подружились. Более того, вскоре я возглавил отдел кино-телерекламы Латвийского рекламного агентства, а вся наша техническая база находилась на Рижской киностудии. Тогда же я привлек к написанию сценариев лучших режиссеров-документалистов, поэтому наши жизненные пути сошлись очень тесно.

Судьбы Семена и Ансиса в чем-то схожи. То же военное детство. Та же ранняя потеря отцов — только отец Ансиса был врачом-ветеринаром в Латвийской армии, был арестован и погиб в советских лагерях под Норильском. У них, Семена и Ансиса, была одна реакция на события, пришедшая из голодного страшного военного детства. У обоих было обострено чувство справедливости. Раз в год, 14 июня, в день рождения Семена поздно ночью мы заказывали с телефона Ансиса (у меня телефона не было) разговор с Канадой, чтобы поздравить Сему с Днем рождения. До этого мы вдвоем просто гуляли по Вечерней Риге, приносили домой ветки цветущих каштанов (теперь каштаны цветут уже в мае), сидели, выпивали за здоровье нашего друга, а потом кричали в телефонную трубку какие-то глупые банальные фразы, так как в те минуты

ничего путного, как правило, в голову не приходило. Эта традиция просуществовала до самых 90-х, когда уже Ансис смог слетать в Торонто на съемки своего фильма «Я-латыш» («Es esmu latvietis» (1990)). Там он встретился с Семеном и Юлой. А в 93-м Семен прилетел в Ригу на свою первую персональную выставку, которую я назвал «Return». Выпустил большой красивый плакат с его портретом. Семен был поражен, так как именно это слово *return* вертелось у него в голове всю дорогу из Канады до Риги.

Надо отдельно сказать несколько слов об Ансисе Эпнерсе. После десятиминутного фильма «Лиелвардский пояс» («Lielvārdes josta» (1980)), снятого по сценарию эстонского графика Тыниса Винта, Ансис Эпнерс стал чем-то вроде национального героя. В те годы в Латвии не было человека более популярного. Публика буквально ломилась на эту ленту. Резонанс, который она оставила в искусстве и в самосознании латышей, фантастический. Так что в 1989-м они встретились с Семеном на равных: Семен Шегельман — один из самых востребованных художников, уехавших на Запад, и Ансис Эпнерс — самый популярный в те годы латвийский документалист. К сожалению, Ансис во время съемок в Африке своего следующего фильма подхватил редкий вирус и вскоре, в 2003 году, ушел из жизни в расцвете творческих сил. Семен тяжело переживал безвременную смерть друга. Он создал серию картин, посвященную Ансису, и в 2006-м привез ее в Ригу. Мы выставили эту серию в Киногалерее, которая была когда-то на Яуниела, 24. Одно из полотен он подарил сыну Ансиса — Кристану Эпнерсу.

Судьба была чрезвычайно щедра в отношении двух этих талантливейших мужчин. Ангел, пролетая над ними, коснулся их своими крылами и щедро наградил талантами. Я же благодарен Богу за то, что в этой жизни он подарил мне их крепкую, искреннюю дружбу. Дружбу, которая согревает мою жизнь вот уже сорок лет.

Этой осенью Семен с Юлой обещали вновь прилететь в Ригу. Поверьте, нам будет здорово!

Семен Шегельман. Рижский период. Графика 1968-1975



Музыка и музыканты.



Кофейные мельницы.



Что-то происходящее.



В поисках радости.

Семен Шегельман. Канадский период. Живопись



Наследие.



Амстердам. Отражение.



Музыкальное трио.



Радужный танец.